

С. А. МАКСИМОВ (Ижевск)

РУССКИЙ СЛЕД В НЕКОТОРЫХ УДМУРТСКИХ СЛОВАХ: О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЛЕКСЕМ *вай*, *жожон*, *зол*, *нет*, *туж*

Abstract. Russian Trace in Some Udmurt Words: on the Origin of the Lexemes *вай*, *жожон*, *зол*, *нет*, and *туж*

Russian borrowed vocabulary in Udmurt is well studied. A series of articles is devoted to this scientific topic, two doctoral dissertations have been defended, books and monographs were published. It is not difficult for a speaker of Russian to identify the majority of Russian borrowings. However, there is a group of words, mainly old borrowings, which have experienced phonetic adaptation and semantic changes. It requires considerable effort to identify such words as Russian borrowings and find their etymon. This article is devoted to the study of the origin of such lexical units, namely: *вай* 'branch, bough', *жожон* 'fried oat flour, and a dish prepared from it', *зол* 'strong; strongly', *нет* 'whim, caprice, capricious (absurd) desire; wish', *туж* 'very'. The previously proposed etymologies of the words *вай*, *нет* and *туж* are clearly incorrect, other words require clarification of the source and additional description of phonetic adaptation and semantic changes. So, *зол* 'strong; strongly' is traditionally considered a word of Common Permic origin. We assume that this word is not primordial, but borrowed from a Slavic type language — Proto-Slavic or Para-Baltoslavic in the Pre-Permian era.

Keywords: Udmurt language, Permic languages, language contacts, etymology, Russian, Proto-Slavic/Para-Baltoslavic borrowings.

1. Введение

Работа посвящена происхождению удмуртских слов, имеющиеся этимологии которых явно ошибочны или требуют дополнения и уточнения. Слова отобраны по предполагаемому источнику — русскому языку, при этом одна из лексем — *зол* 'крепкий, сильный; крепко, сильно', хотя и заимствована из славянского языка, по-видимому, восходит к более древним праязыковым состояниям.

Влияние русского языка на удмуртский исследовали Шандор Чуч, Р. Ш. Насибуллин, Т. И. Зеленина и др. Р. Ш. Насибуллин написал ряд статей, защитил докторскую диссертацию «Русские заимствования в удмуртском языке (дооктябрьский период)» (1999). Т. И. Зеленина

нина изучала лексику, заимствованную из европейских языков в удмуртский посредством русского языка: докторская диссертация «Русский язык как посредник при освоении иноязычной лексики удмуртским языком» (2003), а также несколько книг (Зеленина 2000; 2002 и др.) и серия статей. Однако выявление и исследование русских заимствований в удмуртском языке нельзя считать завершенным: с одной стороны, с новыми понятиями в удмуртский постоянно вливаются новые слова (преимущественно англицизмы), с другой, выявление затемненных русизмов в удмуртском ждет новых изысканий.

Цель статьи — исследование этимологии удмуртских слов *вай* 'ветка, сук', *жожон* 'толокно', *зол* 'крепкий, сильный; крепко, сильно', *нет* 'прихоть, каприз', *туж* 'очень'. Поскольку имеющиеся этимологии одних (*вай*, *нет*, *туж*) явно ошибочны, а других (*жожон*, *зол*) требуют уточнения и дополнения, предлагаемая тема актуальна. Материал для работы отобран в нормативных удмуртско-русских словарях. Для уточнения их территориального распространения и семантического варьирования использованы в первую очередь словари, составленные на основе полевых записей удмуртской речи в конце XVIII в. Юрьё Wichmann (Wichmann) и Бернатом Мункачи (Munkácsi 1990). В отдельных случаях привлекались результаты собственных наблюдений. Применялись методы и приемы этимологического анализа.

2.1. *вай* 'ветка, ветвь, сук; развилина; ответвление;' зафиксировано во всех основных диалектных группах (Wichmann 309; Munkácsi 1990 : 638). Происхождение до сих не исследовалось. В одной из работ в список слов с начальным *ва-* В. К. Кельмаков поместил его с примечанием «этимология неизвестна» (2004 : 325). Но данной лексеме посвящена словарная статья в книге В. И. Вершинина «Этимологии удмуртских слов» (2015). В ней при *вай*, а также *ваяны* (правильно: *вайяны*. — С. М.) 'расщепить; раздваивать; растопырить, расставить шире ноги' автор отсылает к словарным статьям: *вайгетыны* 'возиться, суетиться', *вайык*: *вайык-вайык ветлыны* 'ходить вразвалку', (?) *вайыж*, и сравнивает с *ваяк* 'настежь; пополам' (Вершинин 2015 : 31—32). Слова *вайгетыны* и *вайык* он относит к изобразительной лексике, при *ваяк* дает обратную ссылку на *вай*, а в статье *вайыж* слово *вай* уже не упоминается (Вершинин 2015 : 32, 35). Эта этимологизация ясности не вносит. С нашей точки зрения, *вайык*, *ваяк* — производные *вай*, но не наоборот. Сомнительна связь *вайгетыны* с исследуемым словом.

Составители КЭСК сближают коми *вож* 'оглобля' с удм. *вайыж* и предполагают, что последнее образовалось по контаминации из *vaj* 'развилина, ветка' и *waž* 'оглобля' (КЭСК 60). То же у С. В. Соколова (1997 : 91). Однако *вай* отдельно они не рассматривают. А. Н. Ракин в статье о понятийной системе удмуртского языка, связанной с лесным ландшафтом, происхождения этого слова не касается, отмечает лишь, что в современном удмуртском языке ветку обозначают *вай*, которое с коми *вож* 'ветка; ответвление', комиП *вож* 'ответвление, отросток, побег' этимологически не связано (Ракин 2019 : 714).

Не исключено, что исследуемое слово восходит к русскому источнику. Для сравнения: *ва́йя* церк. 'ветвь', *Неделя вайи* или *вай* 'вербное воскресенье', *вайный* 'из вай (ветвей) сделанный' (Даль: *вайя*); *ва́ия* и *ва́йя* '1. (бот.) листообразная ветвь папоротника, 2. (церк. уст.) паль-

мовая ветвь', *Неделя вайй* (церк.) — 'воскресенье за неделю до Пасхи, вербное воскресение' (Ушаков). В этимологическом словаре М. Фасмера: рус. *ва́йя* 'веточки вербы, раздаваемые в вербное воскресенье; пальмовая ветвь', болг. *ва́я* 'пальмовая ветвь', др.-рус., ст.-слав. *ванк* считаются заимствованиями из греч. *βαῖον* то же (Фасмер 1964 : 267).

Если в отношении фонетики (удм. *свай* < рус. *свая*, удм. *газет* < рус. *газета*, удм. диал. (ы)школ < рус. *школа*) и семантики источник заимствования не вызывает вопросов, не совсем ясна причина проникновения иноязычного элемента и замена им исконного слова. Трудно представить, чтобы у народа, формировавшегося и проживающего в лесном ландшафте, не было средства для выражения понятия «ветка, ветвь». С другой стороны, если слово действительно имеет русский источник, оно должно было проникнуть в первую очередь под влиянием христианской религии и культуры.

Можно предположить, что исконная лексема утрачена в результате коренных фонетических преобразований в (древне)удмуртском языке в XIV—XV вв. Учитывая данные родственных языков, прежде всего коми, следует предположить, что в древнеудмуртском ветка обозначалась как **vož*, ср. коми *вож* 'ответвление, ветка, развилина' (КЭСК 60). После **o > u* в первом слоге, который, по мнению В. К. Кельмакова, мог завершиться в начале XV века (1993 : 16—17), слово обрело облик **viž*. К тому времени в удмуртском должно было существовать омонимичное *вуж* 'старый', развившееся из праперм. **važ* < ф.-п. **vanša* (КЭСК 47; UEW 813). Последняя лексема в понятии 'старый' — прилагательное с широкой сферой употребления. Существительное со значением 'ветка; развилина' связано с понятиями полями «природа», «лес» и является менее частотным, хотя в ретроспективе должно употребляться несколько чаще. Сочетания типа **viž viž* 'старая ветка', как нам представляется, доставляли коммуникативные неудобства. Полагаем, что **viž* 'ветка' оказалась слабым звеном в удмуртской лексической системе и постепенно вытеснялась из языка.

Удмурты довольно поздно приняли христианство, а некоторые локальные группы, например в Закамье (Башкортостан, Пермский край), формально остаются приверженцами традиционных верований. Тем не менее даже у этих групп наблюдается влияние на язык и культуру христианской религии. Примером служит повсеместное бытование понятия «пасха ~ велик день», обозначаемого по-разному (*великтэм, паска, быдэинал* и т. д.) (ДАУЯ 46, 145—146; Максимов 2016а : 31—36), и связанные с ним традиции (включая вербное воскресенье). У некоторых групп удмуртов, в частности закамских, данное понятие ассоциируется не с христианским, а с языческим праздником (Миннихметова 2003 : 112—147). Однако у закамских удмуртов за неделю до Великого дня, в воскресенье, проводится обряд *пучы ньөр* букв. 'вербный прут, верба' — стегание ивовыми ветками (Миннихметова 2003 : 93—99), аналогичный обряду *пучы арня* 'вербное воскресенье', *арскын верба* 'верба — за год' у других локальных групп. Вполне возможно, ветку вербы удмурты раньше называли *пучы вай* или *вай* (< рус. *вайя*), откуда и возникло современное обозначение ветки вообще.

2.2. *жожон* 'толокно (обжаренная овсяная мука и приготовленное из нее блюдо)'. Зафиксировано во всех удмуртских диалектах (Wichmann 44; Mun-

kácsi 1990 : 301, 507), в бесермянском наречии (бес. *dožon* 'толокно (готовое к употреблению)') (Тепляшина 1970 : 143). Слово имеет весьма «удмуртский» фонетический облик, поэтому исследователи до последнего времени не предполагали у него иноязычных связей. В. И. Вершинин правильно определил источник удм *жожон* 'толокно' — рус. пермск. *дежень* 'толоконная болтушка' (2015 : 66). Однако он не объяснил фонетические процессы, что привели к коренным преобразованиям первоначального облика слова, и сопоставление казалось не совсем убедительным.

При поиске параллелей в коми языках выявлено комиП *гежэнь* 'напиток из толокна, разведенного квасом' (КПРС 66). Однако нетривиальное соответствие начальных согласных — удм. *ж* (слитно произнесенное *дж*, в соответствии с UPA — *ž*) / комиП *г* — делало сомнительной генетическую связь этих слов. Источником в обоих языках все же должен был быть русский язык, при этом более точным этимологом удмуртского слова — рус. *дэжен* 'кушанье в виде густой смеси толокна с водой или квасом, молоком и т. п.' Зафиксирована и форма *дежэнь*. Распространено оно преимущественно в северном наречии, в том числе вятских и пермских говорах (СРНГ 334).

Современный облик названия одного из (еще недавно) любимых удмуртских блюд сформировался в силу ряда причин. В прапермском языке действовал фонетический закон: в анлауте не употреблялись палатальные смычные *д'* и *т'* (Кельмаков 2004 : 259). Закон продолжал действовать и на раннем этапе удмуртско-русских, отчасти коми-русских контактов. В связи с этим палатализованный рус. *д'* должен был замениться *й* или палатальной аффрикатой *ž* (слитно произнесенное *дж*, в UPA — *ž*), или же смычным *г* (как в коми-пермяцком): удм. сев. *йор* ~ *žор* < рус. *дёрн*, сев.: сч. *гэрбэн* 'изба при мельнице' < рус. *дербень*. Однако субституцию начального согласного предопределил дистантно следующий фрикативный *ж*, благодаря ассимилятивному влиянию которого возникла велярная аффриката, что связано с фонотаксисом удмуртского языка: употребление *д'* и *ж* перед *-Vж(-)* и *-Vш(-)* ранее было невозможно. Данный закон продолжает действовать в большинстве диалектов и литературном языке: *жож* / диал. *žож* ~ *дож* 'грустный; грустно', *жужыт* / диал. *žужыт* ~ *дужыт* 'высокий' (Кельмаков 2006 : 88—90), при этом распространяется также на соответствующие глухие согласные: удм. *чаша* (*ч* — слитно произнесенное *тш*, твердая аффриката, в UPA — *č*) < рус. *чаша*, удм. *чаж* < рус. *тяж(и)*, сев.: гл. *чиш* 'тишина; тихо' < рус. *тишь*.

Второй слог также прошел через фонетическую адаптацию. Конечный палатализованный согласный мог передать велярный *н* — **жожэн*, как и в диал. *пэл'мэн* сев., пюж.: бавл. *закам*. < рус. *пельмень*. Конечное *-эн*, ассоциировавшееся с творительным падежом, придавало неблагоприятную семантику — *'с грустью'. Очевидно, это послужило толчком для изменения ауслота по аналогии с продуктивным суффиксом отглагольных существительных *-он* > *жожон*.

2.3. *зол* 'крепкий, сильный; крепко, сильно' имеет общеудмуртское распространение (Wichman 331; Munkácsi 1990 : 443). Еще Ю. Вихманн указывал на связь его с коми *zel* (Wichman 331). Составители КЭСК (1999 : 108) сравнивают слово с коми *зэв* 'очень, весьма, крайне', *зэлыт*, комиЯ *zelet* 'тугой', *зэвты* 'натягивать' и реконструируют общеперм. **zel-* 'крепкий'; приводят также саамН *soaldas* 'твердый' (КЭСК). С. В. Со-

колов, ссылаясь на КЭСК, считает слово общефинно-пермским с первоначальным значением 'крепкий, тугой, твердый' (1998 : 81). Однако составители UEW эти слова не рассматривают, т. е. родство саамского слова с пермскими не поддерживают. В. И. Вершинин исследуемые пермские слова сравнивает с др.-рус. зѣль 'сильный', но считает близость случайной (2015 : 69).

Семантика приведенного древнерусского слова, а также рус. *зло́* 'очень', представленного, в частности, М. Фасмером (1967 : 92), весьма близка значению пермских слов, однако начальный палатализованный русский, тем более древнерусский *з'* в пермских языках передался бы соответствующим палатальным согласным, а в удмуртском, скорее всего, звонкой палатальной аффрикатой *з̣* (*ž*): удм. *з̣енелик* 'стекло; бутылка' < рус. *зеленик*, удм. *з̣еп* 'карман' < рус. *зепь*, *зеп*, удм. диал. *з̣эркал* 'зеркало' < рус. *зеркало*.

Возможное родство усматривается в рус. *злой*. М. Фасмер приводит параллели из родственных языков, в частности славянских: укр. *злий*, др.-рус., ст.-слав. *зѣль, зѣла, зѣло* 'πονηρός, κακός' ('хитрость, зло'. — С. М.), болг. *зъл*, словен. *zdl, zla*, чеш., словц. *zlyj*, польск. *zły* 'злой', балтийских: литов. *atžūlas, atžūlus* 'черствый, бесчеловечный' (Фасмер 1967 : 99).

По данным древнерусского и родственных языков, этимон в языке-источнике мог иметь фонетический облик **zəl ~ *zola*. Редуцированный средний гласный корня *ə* сменился неогубленным переднерядным *e*, поскольку в позднем прапермском языке, если к моменту заимствования уже существовали среднерядные гласные, центральным гласным по месту образования была, вероятно, огубленная фонема *o*. Позднее на почве удмуртского языка произошли веляризация и лабиализация гласного корня и лексема приобрела современный вид — *зол*.

По поводу несоответствия семантики можно привести аналогию: удм. *лек* 'злой, сердитый' и сев. бес. *лэк* 1. 'сильный, крепкий, интенсивный' 2. 'очень, сильно' 3. 'злой, сердитый' при коми *лэк* 1. 'плохой, дурной, худой' 2. 'злой, сердитый', комиЯ *лѳка* 'очень, весьма' (Максимов 2016б : 115—116; 2018 : 104—105). Слова возводятся к общеперм. **lзк* 'злой, сердитый' (КЭСК 159). Похожее варьирование значений зафиксировано у рус. *злой* 'желающий, причиняющий зло другим; вредный, пагубный'. «Иногда злой означает высшую степень подразумеваемого свойства». *Злой работник*, пск. калужск. 'старательный, ретивый, способный, ловкий' (Даль: *зло*); *злой* 'закрывающий в себе зло; полный злобы, злости'; перен. 'причиняющий сильную неприятность, боль, жжение; сильный, крайний по степени своего проявления' (ЭтимРус. 323).

С лингвистической точки зрения *зол* и его коми соответствия вполне могут быть связаны происхождением с рус. *злой*. С другой стороны, необходимо учитывать исторические условия: прапермский язык не мог контактировать ни с русским, ни с древнерусским языками. Единственным претендентом на язык-источник может быть язык создателей именьковской археологической культуры, которая существовала в Среднем Поволжье в IV—VII вв. (История Удмуртии 220). Язык носителей этой культуры, по мнению В. В. Напольских, представлял собой один из балто-славянских диалектов, близких к праславянскому, но не идентичный ему, поэтому определяет его как протославянский или параславянский / парабалто-славянский (2015 : 163—164).

2.4. *нет* '1. прихоть, каприз, причуда, капризное (вздорное) желание, 2. желание'. Слово занимает маргинальное положение в удмуртской лексической системе. Оно не нашло места даже в словарях Ю. Вихманна (Wichmann) и Б. Мункачи (Munkácsi 1990). Однако, как показывают наши исследования, в территориальном отношении оно распространено довольно широко, возможно, и повсеместно, по крайней мере зафиксировано в трех практически крайних точках удмуртского языкового ареала: сев.: гл. *пър солэс' н'этсэ шэттоно (уччаса улоно)*. 'Все время нужно ему потакать (букв. Все время нужно найти/искать «нет=его»); пюж.: кукм. *н'этэз кэ лъкитиз, лэс'тоз*. 'Если появится желание, сделает (букв. Если придет «нет=его», сделает'); пюж.: татш. *мар н'этэз лъкэтэм ай?* 'Что ему приспичило? (букв. Что за «нет=его» пришел (к нему))'.

Как видно из примеров, исследуемое слово употребляется преимущественно в устойчивых выражениях. Для уточнения семантики слова и его функционирования совершим лексикографический экскурс: *нет* 'нрав, привычка'; *нетэз лыктэм* 'по нраву'; *нетсэ ке шедьтїд, оло басьтоз но* 'нрав найдёт, может и купит', точнее 'прихоть=его найдешь, может и купит' (— С. М.) (Борисов 1932 : 193); *нет: нетызъя лэсьтэ* 'делает так, как ему хочется'; *солэсь нетсэ шедьтыны шуг* 'ему трудно угодить (букв. его настроение трудно найти)' (УРС 1948 : 204); *нет* 'желание, хотение, намерение'; *ас нетызъя* 'по своему желанию; по своему усмотрению'; *нетыз лыктэм* 'появилось желание'; *нетыз өвёл* '1) нет желания, 2) не в духе' (УРС 1983 : 299); *нет* 1. 'желание, хотение, намерение'; *нетэз лыктэм* 'появилось желание'; *нетэз өвёл* 1) 'нет желания' 2) 'не в духе'; *ас нетызъя* 'по своему желанию; по своему усмотрению', 2. 'привычка, характер, нрав; самоупрямство'; *кузёзылэн йёспёртэм нетэзлы дышизы* 'они привыкли к странному самоупрямству своего хозяина' (УРС 2008 : 461).

Необходимо прокомментировать последний пример, заимствованный из «Юсьёс но кучьёс»: «*Но жоген дышизы сарматъёс кузёзылэн йёспёртэм нетэзлы*» (Вольэг Иники 1995 : 65). Наш перевод: 'Но вскоре привыкли сарматы к странному «нет-у» своего хозяина'. В сноске дано пояснение: «Нет — сям, вырос (привычка)». Поскольку поясняющие слова многозначны: *сям* 'характер; привычка', *вырос* 'манера; выходка; выходки, жесты', дано уточнение на русском языке. Если обратиться к контексту, где речь идет о царе сарматов, который сам брался за плуг и пахал землю, *нет* должно означать 'поведение; выходка', а возможно, и 'прихоть, причуда'. Автор романа приводит много устаревших, диалектных и малоупотребительных слов, зачастую намеренно искажая первоначальное значение. Следовательно, значение «2» в словаре 2008 г. натянутое. В отдельных контекстах возможно 'упрямство', но отнюдь не 'самоупрямство' — которое в русском языке отсутствует. Можно сказать, что *нет* — это 'прихоть, каприз, причуда, капризное (вздорное) желание'. Сема 'желание' присуща данному слову, хотя особенно при более широком контексте, является производным каприза: может появиться, а может и не появиться. С лексикографической точки зрения подача материала наиболее корректно выглядит в словаре 1948 года, где прямой перевод *нет* отсутствует, а приведены лишь выражения с заглавным словом.

Происхождение лексемы рассматривал только В. И. Вершинин, который соотносит ее с *мед*² диал. 'желание, намерение, хотение', *медыны*

'желать, хотеть', а также *мед*¹ 'да пусть'; со ссылкой на КЭСК он приводит соответствия из коми языков (Вершинин 2015 : 140). Однако такое сопоставление неприемлемо с точки зрения консонантизма. Замена начального *м* согласным *н* в удмуртском языке в редких случаях возможна только в отдельных диалектах, испытавших сильное тюркское влияние. Соответствие конечного глухого *т* звонкому *д* должно иметь особую причину.

С нашей точки зрения, этимологом слова может быть рус. *нет*, известное как отрицательная частица. Но частицей его функции не ограничиваются. В энциклопедическом словаре (<https://slovar.cc/enc/slovar/1779909.html>) выделено семь значений, не считая контекстов пословиц и поговорок. Интересно употребление в значении союза с семантикой 'однако ж, при всем том (разг.); так нет же (так нет, нет же) (разг.): *Три книги ему принес, нет, ему всё мало. Всё сделал, так нет же, ему мало* (Там же). Подобное употребление рус. *нет* вполне могло быть воспринято как каприз и послужило источником заимствования.

2.5. *туж* 'очень' Ю. Вихманном зафиксировано во всех основных диалектных группах: *туž* 'очень', в елабужском (юж.) и малмыжско-уржумском (шошм.) также в значении 'слишком' (Wichmann 270); у Б. Мункачи — *туž* 'очень, весьма' (Munkácsi 1990 : 378—379). В бесермянском и большей части северного наречия малоупотребительно. В нижнечепецком диалекте бытует наряду с более распространенным *йун* 'очень'. В среднечепецком диалекте изредка употребляется в отдельных выражениях со значением 'слишком, больно много': гл. *нунá'зэ туж луэ ук*. 'Днем больно много паутов (оводов) бывает же'. При удвоении значение меняется: *ту:ж-туж* '(самое) главное; в первую очередь'; гл. *ту:ж-туж кон'дондэс да документтэс эн вунэтэ*. 'Главное, деньги=свои да документы=свои не забывайте'. В дебёском говоре верхнечепецкого диалекта, расположенного в пограничной зоне двух ареалов — *юн* и *туж* — распространены контаминационные формы *тужун*, *тужын* < *туж* + *йун*.

Происхождением данного слова серьезно никто не занимался. В. И. Вершинин об удм. *туж* пишет «неясно», но предполагает связь с рус. *дюж(е)*, *дюжий*, в чем справедливо сомневается по причине отношения их к южнорусскому наречию (2015 : 203). Приведенное сравнение, с нашей точки зрения, несостоятельно скорее по фонетическим причинам: начальный палатализованный рус. *д'* перед шипящим *ж*, а также *ш* на удмуртской почве перешел бы в велярную звонкую аффрикату *ж̣* (ž), в некоторых диалектах — палатальную аффрикату *ж̣̣* (ẓ̣̌), лишь в бесермянском наречии и отдельных периферийно-южных говорах следовало бы ожидать согласный *д'* (см. об этом *ж̣ожон*). Но ни в одном удмуртском диалекте субститутом рус. *д'* не может быть глухой велярный *т*.

Слово, фонетически тождественное и семантически в определенной степени близкое к исследуемой лексеме, зафиксировано в некоторых диалектах коми-зырянского языка, например, вв. иж. нв. *туж* 'выносливость' (ССКЗД 379). Оно может быть генетически связано с диал. *тужны* 1. вс. 'повалить' (т. е. 'осилить, пересилить кого-л.' — С. М.), 2. нв. 'набить туго; есть жадно, жрать' (ССКЗД 379). Как и в удмуртском языке, приведенные слова не образуют полноценного гнезда, что наталкивает на мысль об их иноязычном происхождении.

Ранее уже предполагалось русское происхождение *туж* (Максимов 1999 : 100), ср. рус. *тужиться* '1. напрягая мускулы, делать усилия, 2. при-

лагать усилия, стараться, силиться' (Кузнецов 1351). Слово имеет общий корень с *тўжить* 'натягивать', у которого обнаруживают родство с другими индо-европейскими языками, например: чеш. *tužiti*, слов. *tužit'* 'укреплять', авест. *ḍanǰayeiti* 'тянет'. Сюда же относят *тугой* ~ *тўже* (Фасмер 1973 : 114—115). Семантическое варьирование напоминает слова с основой *зол* ~ *зэв*: коми. *зэв* 'очень, весьма, крайне', *зэлыт* 'тугой', *зэвты* 'натягивать'. В разные пермские языки слово заимствовалось отдельно. Этимonom послужила основа словоформы (наречия-прилагательного) *тўже*. Коми *туж* 'выносливость', по-видимому, — результат абстрагирования и отсечения глагольной основы, хотя нельзя исключать и былого бытования в русских говорах существительного *туж*.

3. Выводы

Рассматриваемые пять удмуртских лексем имеют русский источник, при этом в случае *зол* — язык славянского типа более древнего состояния. Фонетический облик большинства не отличается от исконно удмуртских слов, а иногда (*жожон*) чуждо звучит для русского слуха. В результате исследования установлены (иногда предположительно) этимоны удмуртских лексем. Так, *вай* 'ветка, сук' может быть продолжением церковного *вайя* 'ветвь; листообразная ветвь папоротника; веточки вербы, раздаваемые в вербное воскресенье; пальмовая ветвь'. Внутренняя причина заимствования — омонимическая конкуренция *вуж* 'старый' и предполагаемого древнеудм. **вуж* 'ветка, ветвь'.

Название блюда *жожон* 'толокно' имеет настолько «удмуртский» фонетический облик, что, видимо, не недопускало сомнений в его исконности, пока В. И. Вершинин не нашел источник — рус. обл. *дежень* 'толоконная болтушка'. Для уточнения предлагается вариант *дэжень* 'кушанье в виде густой смеси толокна с водой или квасом, молоком и т. п.'. Современный облик лексемы объясняется фонетической адаптацией, связанной с несоответствием звуковой оболочки русского слова фонотаксису удмуртского языка.

Лексема *зол* 'сильно' считается исконной и возникла еще в прапермское время. Здесь выдвигается гипотеза о заимствовании ее предками пермян из протославянского/парабалто-славянского языка, на котором могли говорить создатели именьковской археологической культуры, существовавшей в среднем Поволжье в IV—VII веках.

Загадочно происхождение удм. *нет* 'прихоть, каприз, капризное (вздорное) желание; желание', которое употребляется в основном в устойчивых сочетаниях. Несмотря на практически полную фонетическую идентичность с русской отрицательной частицей *нет*, из-за далекой семантики и функционального несоответствия лингвисты не усмотрели между ними связи. Однако русское слово многофункционально, в числе прочих выступает как союз со значением 'однако ж, при всем том; так нет же (так нет, нет же)'. Подобное употребление носителями удмуртского языка было воспринято как каприз, капризное желание.

Наречие *туж* 'очень' в удмуртском языке имеет достаточно высокую частотность, особенно в устной речи, вследствие чего можно было бы назвать его одним из самых «удмуртских» слов. Однако словообразовательного гнезда и глубинных генетических корней в лексической

системе удмуртского языка оно не имеет, что говорит о вероятном иноязычном происхождении. Этимологией могла послужить основа словоформы *тўже*, которая связана происхождением, например, с глаголами *тўжиться* 'напрягая мускулы, делать усилия; прилагать усилия, стараться, силиться', *тўжить* 'натягивать'.

Address

Sergey Maksimov

Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk)

E-mail: makser02@yahoo.com

Сокращения

БиолКБ 1994 — С. В. Соколов, В. В. Туганаев, Биологической нимкылгёсын кылбутор. Словарь биологических терминов, Ижевск 1994; **Даль: вайя** — Толковый словарь Даля. <https://gufo.me/dict/dal/вайя>; **Даль: зло** — Толковый словарь Даля. <https://gufo.me/dict/dal/зло>; **ДАУЯ** — Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Вып. V, Ижевск 2015; **История Удмуртии** — История Удмуртии: С древнейших времен до XV в., Ижевск 2007; **КПРС** — Коми-пермяцко-русский словарь, Москва 1985; **Кузнецов** — Большой толковый словарь русского языка, Санкт-Петербург 2000; **СРНГ** — Словарь русских народных говоров. Вып. 7, Ленинград 1972; **УРС 1948** — Удмуртско-русский словарь, Москва 1948; **УРС 1983** — Удмуртско-русский словарь, Москва 1983; **УРС 2008** — Удмуртско-русский словарь, Ижевск 2008; **Ушаков** — Толковый словарь Ушакова. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/753202>; **ЭтимРус.** — Этимологический словарь современного русского языка. Т. 1, Москва 2010; **Wichmann** — *Wotjakischer Wortschatz*, Helsinki 1987 (LSFU XXI).

авес. — авестийский; **блр.** — белорусский; **болг.** — болгарский; **др.-рус.** — древнерусский; **комиЗ** — коми-зырянский; **комиП** — коми-пермяцкий; **комиЯ** — коми-язьвинский; **литов.** — литовский; **общеперм.** — общепермский; **польск.** — польский; **праперм.** — прапермский язык; **саамН** — норвежско-саамский; **слвц.** — словацкий язык; **слов.** — словенский; **ст.-слав.** — старославянский; **удм.** — удмуртский; **укр.** — украинский; **ф.-п.** — финно-пермский праязык; **чеш.** — чешский.

бавл. — бавлинский говор (пюж.); **бес.** — бесермянское наречие (удм.); **вв.** — верхневычегодский диалект (комиЗ); **вс.** — верхнесысольский диалект (комиЗ); **гл.** — глазовский говор (сев.); **закам.** — закамские говоры (пюж.); **иж.** — ижемский диалект (комиЗ); **калужск.** — калужские областные говоры (рус.); **кукм.** — кукморский говор (пюж.); **нв.** — нижневычегодский диалект (комиЗ); **пермск.** — пермские областные говоры (рус.); **пск.** — псковские областные говоры (рус.); **пюж.** — периферийно-южный диалект (удм.); **сев.** — северное наречие (удм.); **сред.** — срединные говоры (удм.); **сч.** — среднечепецкий диалект (сев.); **татш.** — татышлинский говор (пюж.); **шошм.** — шошминский говор (пюж.); **юж.** — собственно южный диалект (удм.).

ЛИТЕРАТУРА

- Борисов Т. К. 1932, Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь, Ижевск.
Вершинин В. И. 2015, Этимологии удмуртских слов, Йошкар-Ола.
Вольэг Иники 1995, Юсьёс но кучъёс. Роман, Ижевск.
Зеленина Т. И. 2000, Французское слово в удмуртском и русском языках. Этимологический словарь, Ижевск.
— 2002, Опосредованные заимствования в удмуртском языке. Французский пласт, Санкт-Петербург.

- — 2003, Русский язык как посредник при освоении иноязычной лексики удмуртским языком. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Екатеринбург.
- К е л ь м а к о в В. К. 1993, Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Препринт, Ижевск.
- — 2004, Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 2, Ижевск.
- — 2006, Краткий курс удмуртской диалектологии. Учебное пособие для высших учебных заведений, Ижевск.
- М а к с и м о в С. А. 1999, Северноудмуртско-коми ареальные лексико-семантические параллели. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ижевск.
- — 2016а, От мегали мера к великтэм: к вопросу о происхождении и функционировании названий Пасхи в удмуртском языке. — Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 9, вып. 1, 30–40.
- — 2016б, О коми заимствованиях в удмуртском языке. — LU LII, 111–121.
- — 2018, Северноудмуртско-коми ареальные языковые параллели: лексика, фонетика, морфология. Монография, Ижевск.
- М и н н и я х м е т о в а Т. 2003, Традиционные обряды закамских удмуртов. Структура. Семантика. Фольклор, Тарту.
- Н а п о л ь с к и х В. В. 2015, Очерки по этнической истории, Казань.
- Н а с и б у л л и н Р. Ш. 1999, Русские заимствования в удмуртском языке (дооктябрьский период). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Казань.
- Р а к и н А. Н. 2019, Обозначения лесного ландшафта в удмуртском языке. — Вестник урovedения. Т. 9, № 4, 710–717.
- С о к о л о в С. В. 1997, Этимологической пичи кылбутор (Краткий этимологический словарь удмуртского языка). — Вордском кыл, № 6, 89–91.
- — 1998, Этимологической пичи кылбутор (Краткий этимологический словарь удмуртского языка). — Вордском кыл, № 3, 79–84.
- Т е п л я ш и н а Т. И. 1970, Язык бесермян, Москва.
- Ф а с м е р М. 1964, Этимологический словарь русского языка. Т. I, Москва.
- — 1967, Этимологический словарь русского языка. Т. II, Москва.
- — 1973, Этимологический словарь русского языка. Т. IV, Москва.
- M u n k á c s i B. 1990, A votják nyelv szótára, Pécs.

SERGEI MAKSIMOV (Iževsk)

ВЕНЕ КЕЕЛЕ JÄLG MÕNES UDMURDI SÕNAS:
LEKSEEMIDE *вай, жоожон, зол, нет* JA *туж* PÄRITOLUST

Artiklis käsitletakse udmurdi sõnu *вай* 'oks; haru', *жоожон* 'kamajahu', *зол* 'tugev; tugevasti', *нет* 'kapriis, kapriisne (absurdne) soov; soov', *туж* 'väga', mida seni vene laenudeks ei ole peetud. Neist *зол* 'tugev; tugevalt' on tõenäolisemalt hoopis vanem laensõna, mis on saadud mingist slaavi või balti-slaavi keelest.